

СТРЕЛЕНКО А.А.

ВГУ имени П.М. Машерова, Республика Беларусь, г. Витебск, ул. Чапаева, 30.

Доцент, кандидат психологических наук.

strelenko@list.ru

УДК 159.9+343

Роль знака в развитии образа виктимных подростков

Статья посвящена проблеме виктимизации в онтогенезе. Обозначается роль знака в развитии образа виктимной личности. Представляется специфика субъективного отражения и феноменология Я-, Ты-образов жертв сексуального насилия. Приводятся результаты исследования дипсихизма социально-перцептивных образов подростков и взрослых, перенесших сексуальное насилие.

Ключевые слова: знак, социально-перцептивные образы, самосознание, виктимность, сексуальное насилие.

The role of a symbol in the development of the image of victimization of teenagers

The article is devoted to the problem of victimization in ontogenesis. Represented by the role of sign in the development of the image of a victimized person is discussed. The peculiarity of subjective social-perceptive reflection and phenomenology of Self-, You-images of victims of sexual violence is examined. Results of the research of dipsychism of social-perceptive images of victims of sexual violence (adolescents and adults) will be discussed.

Key words: symbol, socio-perceptive images, self-consciousness, victimization, sexual violence.

Введение. Проблема человека-жертвы в современной социально-психологической науке и практике становится весьма актуальной. На современном этапе стало понятно, что причины, определяющие возникновение позиции жертвы, связаны как с объективными факторами, так и с некоторыми субъективными предпосылками превращения человека в жертву реальных неблагоприятных условий существования. Так, объективным фактором виктимизации человека может стать группа сверстников, особенно в подростковом и юношеском возрастах, если она имеет асоциальный и антисоциальный характер. В том числе фактором виктимизации человека любого возраста может стать семья.

По мнению А.А. Реана, социальная среда (семья, школа, многочисленные формальные и неформальные группы, в которые включена личность) оказывает сильнейшее влияние на формирование Я-концепции. Несмотря на то, что с возрастом все более весомым в развитии Я-концепции становится значение опыта социального взаимодействия в школе и в неформальных группах, в подростковом и юношеском возрасте семья как институт социализации продолжает играть важнейшую роль [2].

На наш взгляд, вопросы, связанные с проблемой сексуального насилия и особенностями развития детей позволяет отчасти прояснить теория привязанности, предложенная Дж. Боулби. Центральным понятием теории выступает – понятие «рабочая модель», на основе которой происходит взаимодействие ребенка с миром. То, каким образом привязанность может выполнять свою защитную функцию, зависит от качества взаимодействия между индивидом и его объектом привязанности. Рабочая модель включает модель себя и близкого человека (Я – Другой), при этом восприятие себя определяется тем, как меня воспринимает объект привязанности. Основной термин теории привязанности – «надежность» – описывает уверенность индивида любого возраста в том, что защищающая и поддерживающая фигура будет доступна и достигаема. При этом Дж. Боулби утверждал, что постоянное чувство безопасности и

соответствующее возрасту ощущение собственной надежности ребенка нарушается, если рабочие модели, как его самого, так и родителей не приводятся в соответствии с его физическим, социальным и когнитивным развитием [Цит. по: 4].

Наряду с зарубежными, отечественные теории отводят важную роль в развитии взаимодействия взрослого с ребенком. Согласно культурно-исторической концепции Л.С. Выготского, развитие происходит в процессе интериоризации культурно-исторического опыта и социальных отношений. Взрослый выступает для ребенка в качестве носителя этого опыта и важнейшего исторического развития; только в постоянном контакте с взрослым возможна интериоризация. Этот контакт способствует формированию у ребенка потребности в привязанности к заботящемуся о нем взрослому. Л.С. Выготский считал задержки развития результатом депривации общения и контактов с внешним миром, вследствие чего потребность в общении не формируется или приобретает уродливые формы. Так, в качестве важнейшего условия развития ребенка Л.С. Выготский рассматривал социальную ситуацию его развития.

В свое время Е.Т. Соколова показала, что при личностных расстройствах грубые нарушения самосознания выступают в виде неустойчивого, диффузного образа Я, деструктивного внутреннего диалога и являются последствием травматического опыта и нарушенных отношений с взрослым на ранних этапах онтогенеза. Лишение родительской любви в младенчестве и отроческом возрасте способствует развитию неутолимого эмоционального голода, существенно искажает формирующийся образ Я. Нестабильность и ненадежность эмоциональных отношений делает перцептивный, эмоционально-чувственный образ взрослого не константным, изменяющимся в восприятии ребенка от «плохого» (отвергающего и наказывающего) к «хорошему» (любящему и понимающему). Это расщепление отношений с другим человеком ведет к стойкой патологии межличностных отношений [Цит. по: 4].

Анализ структуры и сущности в Я-концепции необходим для понимания содержания представлений о себе подростков, переживших сексуальное насилие, о роли Ты-образов в осознании причинности данного факта и коррекции личностного развития и поведения.

Безусловно, необходимым условием для развития психики человека, в том числе ее социально-перцептивной сферы, является непрерывная связь индивида со средой и его активное взаимодействие с ней. Это взаимодействие осуществляется посредством межличностного восприятия, понимания, установления и сохранения коммуникаций. Возможно поэтому, мы считаем, что в процессе отражения ребенком самого себя и других в своем сознании существенную роль играет не только образ, но и знак.

Знак в психологии рассматривается как компонент деятельности, средство его сознательной ориентировки в объектах внешнего мира, управления собственным поведением и поведением других людей. Знак выступает в двух планах: в социальном – как продукт истории культуры человеческого рода и в психологическом – как орудие психической деятельности конкретного человека [Цит. по: 4].

Согласно теории Л.С. Выготского, формирование высших психических функций, собственно человеческого уровня развития психики происходит за счет интериоризации процесса общения с взрослыми, переноса их функций, их действий во внутренний план. Овладение внешней ситуацией происходит с помощью предварительного овладения собой. Ребенок управляет своими движениями и действиями теми же средствами, какими ранее управлял поведением взрослого – знаками. Словами. Таким образом, слово, знак рассматриваются в его репрессивной – подавляющей,

контролирующей по отношению к другим и себе функции. Ребенок преодолевает зависимость от ситуации через «предварительный контроль над самим собой и предварительную организацию своего поведения» с помощью знаков [6].

По мнению Б.Ф. Ломова, знак – это такое материальное замещение предмета, которое рождается в процессе человеческой деятельности для ее организации и регулирования. Знак есть результат процесса познания, установления некоторой связи между предметом и его объективным заместителем. Знак – это материальное выражение предмета познания, опосредствованное образом этого предмета. Поэтому овладение какой-либо современной системой знаков предполагает усвоение человеком соответствующих образов. Продуктивное использование готовой системы знаков предполагает усвоение их семиотики, т.е. определенное «воссоздание» (пусть весьма сокращенное) самих этих знаков, их системы и функции, а в дальнейшем – и их развитие, совершенствование [1].

Подчеркивая генетическую связь образа и знака, Б.Ф. Ломов отмечает, что образ – ощущение и восприятие (а в определенном отношении и представление) – относится к сфере непосредственного индивидуального опыта человека, в то время как овладение знаком опосредствовано отношениями этого человека с другими людьми. В некотором смысле имеется в виду то, что в образе фиксируются индивидуально накопленные знания об окружающей действительности, а благодаря знакам человек усваивает знания, накопленные человечеством. Овладение знаками и знаковыми системами позволяет преодолеть ограниченность индивидуального опыта, включить в него и опыт социальный [1].

Как утверждает Е.В. Улыбина, идея овладения своими желаниями через выраженность в слове, разработанная в теории психоанализа З. Фрейда, может быть сопоставлена с идеей овладения собой через знак, представленной в теории Л.С. Выготского. Выготский и Фрейд основополагающую функцию знака видели в интериоризации социального контроля, что понималось ими как важнейшее новообразование, поднимающее психику на качественно новый уровень. Критерием развития и в психоанализе, и в культурно-исторической теории выступала возможность субъекта самому осуществлять регуляцию инстинктивной энергии через представленность ее в отчужденной форме слова. Причем, и Фрейд, и Выготский признавали социальную детерминацию, ведущую роль социальных контактов в развитии психики ребенка. Развитие ребенка связано с освоением различных форм существования социального опыта, и, прежде всего, языка и формирования на этой основе качественно новых образований, выполняющих регулятивную функцию [6].

Таким образом, овладев знаком и знаковой системой, индивид поднимается на новую ступень познания. Однако знак является орудием не только познания, поведения, но и общения. Взаимный обмен образами, идеями, знаниями, который осуществляется между людьми, не непосредственный духовный контакт, не телепатическая передача. Носителями информации, передаваемой и принимаемой в процессах общения, являются знаки и знаковые системы. Вместе с тем само общение – необходимое условие овладения, как знаками, так и их системами [Цит. по: 4].

Как отмечает В.Л. Ситников, воспроизведение идеального образа производится с помощью речи, символов, знаков, которое сознание наделяет определенным значением. Выбор значения – это практически всегда выбор. Он зависит, с одной стороны, от особенностей самого осознаваемого явления, с другой – от особенностей осознающего и, прежде всего, от его сознания. Например, образ ребенка зависит: во-первых, от особенностей самого отражаемого ребенка; во-вторых, от

особенностей отражающего. Даже в одни и те же слова при описании образа различными людьми может вкладываться различный смысл. Значение слов напрямую зависит от того, в каком кругу и в каких целях оно определяется. Э. Сепир эту мысль выражает следующим образом: «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества». И речь здесь идет не только о словах, как средствах обозначения сути предметов и явлений, конкретизирует В.Л. Ситников, а в целом – об отражении в языке устойчивых связей между осознаваемым явлением и его обозначением, ведь язык – это не что иное, как система знаков [3, с. 41-42].

По мнению С.Л. Рубинштейна, речь, слово, является специфическим единством чувственного и смыслового содержания. Всякое слово имеет смысловое – семантическое – содержание, которое составляет его значение. Слово обозначает предмет (его качества, действия и т.д.), который оно обобщенно отражает. Обобщенное отражение предметного содержания составляет значение слова.

Но значение, как утверждает С.Л. Рубинштейн, – не пассивное отражение предмета самого по себе как «вещи в себе», вне практически действенных отношений между людьми. Значение слова обобщенно отражает предмет, включенный в реальные действенные общественные взаимоотношения людей, определяется через функцию этого предмета в системе человеческой деятельности. Формируясь в общественной деятельности, оно включено в процесс общения между людьми. Значение слова – это познавательное отношение человеческого сознания к предмету, опосредованное общественными отношениями между людьми. Таким образом, речь первично отражает не сам по себе предмет вне людских отношений с тем, чтобы затем служить средством духовного общения между людьми вне реальных практических отношений к предметам действительности. Значимость предмета в реальной деятельности и слова в процессе общения представлены в речи в единстве и взаимопроникновении. Носителем значения всегда служит данный в восприятии или представлении чувственный образ [Цит. по: 4].

Как отмечают отечественные психологи, изучающие особенности развития познавательных процессов у детей, представления детей об окружающем мире, в том числе о других людях (П.П. Блонский, Л.И. Божович, Л.С. Выготский, В.В. Давыдов, А.В. Запорожец, В.С. Мухина, М.И. Лисина, А.А. Люблинская, Д.Б. Эльконин и др.) познание другого и себя является психологической основой для развития. Образ человека в его сознании характеризуется объективной и субъективной опосредованностью. Объективная опосредованность раскрывается наличием контакта между источником и носителем в данный момент, его наличием в прошлом и наличием только опосредованного взаимодействия (без прямого контакта). Субъективная опосредованность раскрывается получением лишь текущей информации об объекте, получением новой информации о нем на фоне уже имеющейся (полученной ранее) и опережающим отражением – выходом за рамки субъективно данного.

Согласно Б.Г. Ананьеву, С.Л. Рубинштейну ведущая роль в процессе формирования образа принадлежит визуальной модальности. Особая роль зрительной системы в процессах чувственного отражения определяется, по мнению ученых тем, что в нее включается интегрирующая и преобразующая функции сигналов всех модальностей. Зрительный образ собирает, синтезирует, организует вокруг себя данные остальных органов чувств. При восприятии человека, в первую очередь, оказываются, задействованы обонятельная и слуховая система.

По мнению Б.А. Еремеева гораздо реже образ исследуется как субъективное

звено во взаимодействии его носителя с его источником и еще меньше исследуется роль образа как фактора, определяющего развитие породивших его условий.

Чаще всего в качестве фактора, детерминирующего отражение, рассматривается какое-то одно из его условий: объект, субъект, объединяющая их практика. Отмечается, что источник (объект) образа человека многообразен. Прежде всего – это непосредственно физическая отдельность: как тело, как «вещь в себе». Затем – как представитель различных категорий (групп), или «вещь для себя». И, наконец, как особая ценность, как особая «вещь для нас» – другое Я. Выделение человека как «фигуры» влечет за собой соотношение его с другими «фигурами», сначала оказавшимися в «фоне».

По представлениям Б.А. Еремеева в познании человека человеком должны соотноситься друг с другом именно образы. Он считает, что в эмпирических исследованиях обнаруживаются противоречия между теорией и исследовательскими действиями на эмпирическом уровне в частности, при психодиагностике, когда сопоставляются Я-образы (Я-концепции) и образы значимых других.

При исследовании образа человека это единство рассматривается как отождествление в образе его субъекта и его объекта, или как их субъективная идентификация. В межличностном взаимодействии идентификация – это информационный аспект взаимного уподобления. Для характеристики того, насколько идентификация выражена, учитывается в образе соотношение между объективным и субъективным. Все это и будет являться вариантами образа человека.

Как итог отражения, идентификация может быть увеличена или уменьшена. Конкретизируя ее, обычно говорят о познавательном, эмоциональном и поведенческом вариантах, причем подчеркивается и ее обусловленность влиянием человека на человека [Цит. по: 5].

Продвигаясь в своем развитии, уподобляясь другому человеку, ребенок раскрывает его и в тоже время формирует себя, расширяя границы своего бытия. Децентрация как выход за пределы собственного Я является механизмом саморазвития в плане преодоления своей ограниченности при познании, или механизмом формирования субъектности в познавательной деятельности. Однако возможен и другой путь развития, в котором происходит растворение в другом, в мире его взглядов, переживаний и установок, стимулируя при этом утрату самостоятельности.

Не менее важное влияние на формирование Я-образа оказывают сверстники. Тем более что в подростковом возрасте круг друзей становится референтным. Как отмечает В.Л. Ситников, роль сверстников в гендерной социализации отечественными психологами и педагогами практически не изучается. Этот вопрос затрагивается лишь в единичных работах, где идентификация со сверстниками того же пола, что и ребенок, рассматривается как важнейший механизм формирования гендерной идентичности [3].

Как известно, общение влияет не только на процесс социализации, но и на формирование личности подростка. В подростничестве наступает весьма важный момент в личностном развитии, связанный со становлением дифференцированной и осознанной «Я-концепции» как системы внутренне согласованных представлений о себе. Формирование «Я-концепции» – это результат рефлексии, самопознания, а также появления образа «другого», в качестве которого чаще всего выступает ровесник. Идентификация со сверстниками представляет собой определенный этап формирования «Я-образа» подростка. Как отмечает Т.М. Марютина и др. было выявлено, что сначала у подростка формируется так называемый «Мы-образ», который служит предпосылкой формирования качественно нового «Я-

образа» подростка. Главной характеристикой «Мы-образа» является включенность подростка в группу сверстников [Цит. по: 4].

Психологические исследования в области развития ребенка показывают, что факторы, влияющие на становление детской психики, противоречивы. В одном случае они способствуют, в другом – препятствуют оптимальному развитию его личности и адекватности полоролевых представлений и гендерной идентичности. Так, отношения к ребенку со стороны родителей могут сформировать эффективную потребностно-мотивационную систему ребенка, позитивный Я-образ; те же самые факторы, но с другим психологическим содержанием могут приводить к проблемному развитию потребностей и мотивов, низкому самоуважению, неадекватности Я-образа и др. [5].

До подросткового возраста отличия ребенка от других привлекают его внимание только в исключительных, конфликтных случаях. Его «Я» практически сводилось к сумме идентификаций с разными значимыми людьми. У подростка положение меняется. Ориентация одновременно на нескольких значимых других делает его психологическую ситуацию неопределенной, внутренне конфликтной.

Из знаний по возрастной психологии следует, что чем старше и более развит человек, тем больше находит он различий между собой и «усредненным» сверстником. Осознание своей непохожести на других исторически и логически предшествует пониманию своей глубокой внутренней связи и единства с окружающими людьми.

Так, в свое время И.С. Кон утверждал, что более высокие уровни идентичности коррелируют с более высоким самоуважением. Непосредственных связей между уровнем идентичности и интеллектом не найдено, но есть значимые различия в когнитивном стиле (сложившихся установках познания мира).

Американский психолог Говард Каплан (1977, 1980) на основе обобщения собственного десятилетнего лонгитюдного исследования 9300 семиклассников пришел к выводу, что пониженное самоуважение положительно коррелирует с достаточно большим количеством видов девиантного поведения. И.С. Кон дополняет, неудовлетворенность собой и высокая самокритичность не всегда свидетельствуют о пониженном самоуважении. Несовпадение реального и идеального «Я» – вполне нормальное, естественное следствие роста самосознания и необходимая предпосылка целенаправленного самовоспитания.

Рефлексивная самокритика творческой личности и пониженное самоуважение невротической схожи тем, что в обоих случаях присутствует стремление к совершенству. Однако пути достижения совершенства будут различными. В первом случае конфликт реального и идеального «Я» разрешается в деятельности, будь то учеба, труд или самовоспитание. Этот конфликт разворачивается на основе сильного «Я», которое может ставить себе сложные задачи, и в этом проявляется мера самоуважения. Наоборот, типичная черта невротической – слабое «Я». Многие из них могут быть наиболее реальными и вероятными кандидатами попадания в «группу риска» в силу отсутствия достаточного уровня личностной и социальной зрелости. Которые проявляются через инфантильность, высокую конформность и ведомость, отсутствие интереса к себе, низкий уровень самоуважения и самопонимания, неадекватную самооценку.

В силу слабости «реального Я», инфантильности в проявлении себя, у таких личностей возникает стремление «опереться» на чью-либо силу и значительность. Порой идентификация с сильным, «могущественным» другим оказывается настолько глубокой, что «слабое Я» отказывается от того, на что в принципе имеет право. Так, невротическая рефлексия остается на уровне пассивного самосозерцания. Призна-

ние и даже гипертрофия собственных недостатков служат здесь не основой для их преодоления, а средством самооправдания, отказа от деятельности, вплоть до полного «выключения» из реального мира.

Рассматривая роль знака в формировании образа виктимных подростков, нельзя упускать важный аспект, касающийся уровня самосознания. Развитие самосознания – центральный психический процесс переходного возраста. Биогенетическая психология выводила рост самосознания и интереса к собственному «Я» у подростков непосредственно из процессов полового созревания. Половое созревание, скачок в росте, нарастание физической силы, изменение внешних контуров тела и т.п. действительно активизируют у подростка интерес к себе и своему телу. По нашему мнению, познание таких характеристик может происходить в сравнении с физическими характеристиками другого, в том числе и его телесного образа.

Материал и методы. В исследовании были использованы следующие группы методов. Во-первых, группа эмпирических методов в процедуре изучения социально-перцептивных образов подростков, переживших сексуальное насилие:

Выбор доступных и простых, но информативных и сопоставимых методов изучения личностных особенностей подростков, перенесших сексуальное насилие.

Применение методики «СОЧ(И) – структура образа человека (иерархическая)» с целью изучения особенностей социально-перцептивных образов подростков, переживших сексуальное насилие.

Во-вторых, группа методов обработки полученных результатов:

Первичная обработка эмпирических данных.

Математико-статистическая обработка данных.

Анализ полученных результатов.

Интерпретация эмпирических данных.

Описание полученных результатов.

Результаты и их обсуждение. Используя в своем исследовании методику «СОЧ(И)» – структура образа человека (иерархическая)», разработанную В.Л. Ситниковым [3], для нас неожиданным стало выявление у всех респондентов подросткового возраста, переживших сексуальное насилие, факта того, что телесная характеристика Я-образа положительно коррелирует с телесной характеристикой Ты-образа друга. Полученные данные, скорее служат подтверждением, что Я-образ респондентов, подвергавшихся сексуальному насилию, тесно взаимосвязан с Ты-образом друга [5].

Так же, была обнаружена тенденция связи Я-образа с Ты-образами у взрослых, подвергавшихся сексуальному насилию, которая имеет свои особенности. В частности у женщин происходят изменения в структурах Я-образов, где появляется почти в шесть раз больше связей, однако они не совсем прочные, чем у девочек-подростков. У мужчин тоже происходят изменения, в частности в Я-образах количество корреляционных связей уменьшается, а вот в Ты-образах недруга значительно увеличиваются, причем доминируют прочные связи.

Так, в результате изучения социально-перцептивных образов жертв сексуального насилия, нами было определено, что социально-перцептивные образы всех обследованных групп респондентов сходны по структуре, но по содержанию Я- и Ты-образы подростков, перенесших сексуальное насилие, существенно отличаются от социально-перцептивных образов, отражаемых аналогичными испытуемыми взрослого возраста и подростками, у которых не зафиксированы случаи сексуального насилия.

Следует отметить, что количество дословных совпадений наиболее часто употребляемых подростками и взрослыми характеристик в женской выборке определилось существенно больше чем в мужской. Причем с возрастом в женской выборке частота совпадений значительно увеличивается.

При сравнении ранговых мест в Ты-образах («друга» и «недруга») и у подростков, и у взрослых отмечается преобладание социальных, телесных и эмоциональных компонентов. Такие структурные компоненты, как социальный интеллект и интеллектуальные характеристики чаще отмечают женщины.

Помимо различий нас интересовал вопрос и о соотношениях структурных компонентов социально-перцептивных образов подростков и взрослых, переживших сексуальное насилие. В принципе следует отметить лишь наиболее общие и важные выводы, которые следуют из этого. Обнаружение огромного числа корреляционных соотношений в женской выборке как в Я-образах, так и в Ты-образах нами рассматривается как факт достаточно тесной связи этих образов, причем наиболее прочные и многообразные связи обнаруживаются в представлениях женщин [5].

Заключение. Таким образом, в силу сложившейся неадекватной социальной ситуации развития, у жертв сексуального насилия, возможны нарушения таких механизмов самосознания, как феномен субъективного уподобления и дифференциации. Предположительно, выявленные особенности могут в критической ситуации (например, в ситуации сексуального насилия) осложнить осознание жертвой значения совершаемых с нею действий.

Обнаруженная особенность в ходе развития самосознания жертв, по нашему мнению, является не только следствием ситуации насилия, но и может стать существенной причиной в формировании их виктимности, нарушая межличностное восприятие, понимание, установление и сохранение коммуникаций на последующих этапах индивидуального развития.

Полученные результаты дают возможность использовать их при проведении профилактической, коррекционной деятельности, судебно-психологической экспертизы.

Способствуют повышению профессиональной деятельности психологов, социальных работников, в рамках оказания психологической помощи и поддержки подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Список использованной литературы:

1. Ломов, Б.Ф. Системность в психологии: Избранные психологические труды / Б.Ф. Ломов; под ред. В.А. Барабанщикова, Д.Н. Завалишиной, В.А. Пономоренко. – М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. – 424 с.
2. Реан, А.А. Социальная педагогическая психология / А.А. Реан, Я.Л. Коломинский. – СПб.: Изд-во "Питер", 2000. – С. 47.
3. Ситников, В.Л. Образ ребенка (в сознании детей и взрослых) / В.Л. Ситников. – СПб.: Химиздат, 2001. – 288 с.
4. Стреленко, А.А. Значение знака в развитии образа виктимной личности / А.А. Стреленко // Мир психологии. – 2008. № 2. – С. 147–156.
5. Стреленко, А.А. Социально-перцептивные образы виктимной личности: монография / А.А. Стреленко. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2009. – 138 с.
6. Улыбина, Е.В. Выготский и Фрейд о функции знака в развитии психики / Е.В. Улыбина // Мир психологии. – 1999. – № 3 (19) – С. 173–179.